

шении подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности / Е. А. Семенов, М. Г. Давыдова // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 6 (32).

4. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 18.01.2017 / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_211320/ (дата обращения: 12.12.2019).

5. Уголовное преследование по экономическим делам – 2017. Доклад Экспертного центра Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей на основе анализа обращений к уполномоченному, судебной практики, данных ФСИН России и предварительных данных ГИАЦ МВД России о числе зарегистрированных преступлений в 2017 году / Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://president-sovet.ru/files/0b/01/0b01309bf35c74e445f463a329ab61e2.pdf> (дата обращения: 11.12.2019).

6. Уголовное судопроизводство. Применение мер пресечения / Судебная статистика РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/13/s/14> (дата обращения: 04.12.2019).

7. Уголовное преследование предпринимателей. Доклад Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей / Доклад Президенту РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2019/4.pdf> (дата обращения: 19.12.2019).

8. Решение ЕСПЧ по делу «Рубцов и Балаян против России» от 10.04.2018 по жалобам № 33707/14 и 3762/15 / Европейский суд по правам человека [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-182211> (дата обращения: 12.12.2019).

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РЕАБИЛИТАЦИЮ НАЦИЗМА

А. Д. Байдашин,
студент ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»,
stud0000195838@study.utmn.ru
Научный руководитель:
С. В. Погребняк,
старший преподаватель по совместительству
кафедры уголовного права
и процесса ИГиП ТюмГУ,
s.v.pogrebnyak@utmn.ru

Федеральным законом от 5 мая 2014 года № 128-ФЗ были внесены поправки в действующий в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее также – УК РФ), которые впервые криминализировали такое деяние, как реабилитация нацизма. Научное сообщество приняло данную новеллу неоднозначно, и сразу же после введения ст. 354.1 начались дискуссии на тему ее применения, квалификации деяний и т. п.

Рассматривая диспозицию данной статьи и учитывая то, для чего она была введена законодателем, с уверенностью можно говорить о том, что направлена она, прежде всего, на сохранение исторической памяти Российской Федерации о годах Великой Отечественной войны [3]. Однако стоит отметить, что видовой объект рассматриваемой статьи охватывает куда больший круг общественных отношений и не ограничивается сохранением исторической памяти.

Прежде всего, стоит исходить из того, что представляет собой идеология нацизма и какие последствия для всего человечества и мира она может повлечь. По своей сути нацизм – это открытый призыв к агрессии против остальных государств, соответственно проявление данной идеологии в современном мире вполне способно повлечь за собой преступления, предусмотренные главой 34 Уголовного кодекса Российской Федерации. Именно поэтому ст. 354.1 УК РФ рассматривается не только со стороны сохранения памяти и истории, но и со стороны недопущения «переписывания» исторических фактов Второй мировой войны, а именно отрицания

(оправдывания) военных преступлений нацистов, поскольку последствия таких действий могут быть очень опасны в современных реалиях.

Объективная сторона уголовно-наказуемых деяний, закрепленных в статье 354.1 УК РФ, именуется реабилитацией нацизма. В уголовно-правовой доктрине указывалось на неточность формулировки названия статьи 354.1 ввиду того, что термин «реабилитация» в понимании данной нормы не соответствует общему, используемому в юриспруденции, понятию «реабилитация».

В уголовно-процессуальном праве под понятием «реабилитация», исходя из пп. 1 и 2 ст. 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, подразумевается «предусмотренное законом право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав гражданам, которым в результате уголовного преследования нанесен вред».

В настоящее время только ст. 354.1 УК РФ называет реабилитацию уголовно наказуемым деянием, но, как можно увидеть из ее содержания, законодателем заложено, что данной статьей предполагается совершение общественно опасных деяний как общим, так и специальным субъектом, т. е. с использованием служебного положения субъекта.

Изучение нацистской идеологии, а также положений закона «О противодействии экстремистской деятельности» невольно наводит на вывод о том, что эти два течения непременно связаны друг с другом, ведь ущемление одной социальной группы другой социальной группой исключительно по расовому признаку может быть характерно как для нацизма, так и для экстремизма. Такие же параллели можно провести и с использованием и публичной демонстрацией нацистской символики (свастика, руны «зиг» и т. д.), так как она свойственна социальным группам как неонацистской направленности, так и экстремистской. Однако более подробное изучение закона «О противодействии экстремистской деятельности» дает понять, что существуют и другие проявления экстремизма, которые никак с нацизмом не связаны: например, экстремизм, связанный с религией [7].

При более подробном анализе частей 1 и 2 ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации можно понять, что образует состав преступления непосредственно «Отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором». Другими словами, иные стороны национал-социализма, такие как экономическая, культурная и религиозная, и их одобрение не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 354.1 УК.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 354.1 УК, выражается в публичном, т. е. направленном на определенный для субъекта широкий круг лиц либо на неопределенный круг лиц (например, при использовании СМИ, сети Интернет):

- отрицании фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси;
- одобрении военных преступлений против человечества, совершённых нацистами и установленных военным трибуналом;
- распространении заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны;
- распространении сведений о днях воинской славы, выражающих явное неуважение к обществу;
- осквернении символов воинской славы России.

При использовании своего служебного положения либо с применением СМИ первые три вида объективной стороны преступлений влекут более строгую санкцию, нежели при совершении данных деяний общим субъектом.

Первый вид объективной стороны деяния, предусмотренного ст. 354.1 УК РФ, испытал на себе наибольшую критику со стороны научного сообщества. Основной темой дискуссий был вопрос о несоответ-

ствии новеллы об уголовной ответственности за реабилитацию нацизма положениям частей 1 и 3 ст. 13 Конституции России о политическом и идеологическом разнообразии в Российской Федерации.

Ю. Е. Пермяков называет уголовную ответственность за деяние, предусмотренное ст. 354.1 УК, наказанием за «идеологические и политические взгляды», а нововведенную в 2014 году статью — расширением полномочий для уголовного преследования за политические взгляды [8].

И. И. Курилла считает, что введение данной статьи Уголовного кодекса в какой-то мере накладывает запрет на исследование истории Второй мировой войны в некоторых очень важных ее аспектах и что уголовная ответственность может сделать эту тему недоступной для обсуждения [9].

А. А. Турышев, один из представителей научного сообщества уголовного права Российской Федерации, подтверждает предыдущие утверждения и говорит о том, что законодатель, используя формулировки, используемые в диспозиции ст. 354.1 УК, существенно ограничивает деятельность как отдельных ученых-историков, так и всего исторического сообщества, занимающегося изучением исторических событий Второй мировой войны [4].

Диспозиция ч. 1 ст. 354.1 УК РФ устанавливает уголовную ответственность прежде всего не за убеждения и мысли и не за дружеские дискуссии о Второй мировой войне, а за деяния, направленные на неопределенный круг лиц либо определенный широкий круг лиц. Не обоснованное серьезными научными исследованиями публичное распространение заведомо ложной информации либо отрицание названных в ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации исторических фактов ничего общего с деятельностью исторического научного сообщества и историей как наукой не имеют.

Исходя из содержания ч. 1 ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации можно сделать вывод, что для наличия факта совершения преступления будет достаточно отрицания любого из фактов, упомянутых в приговоре Международного военного трибунала (МВТ). Данные прецеденты совершения военных преступлений против человечества и мира, находящие свое отражение в таких частях приговора Международного военного трибунала, как «Захват Австрии», «Агрессия против Югославии и Греции», «Общий план агрессивной войны» и т. д., подтверждают совершение высшим руководящим составом стран Оси военных преступлений против мира и человечества.

Отрицание, согласно Толковому словарю Ожегова, имеет то же значение, что и слово «отрицать», соответственно, обратившись к толкованию данного слова, мы увидим: «Отрицать — отвергать существование, необходимость, обязательность». Понимаемое законодателем отрицание, исходя из смысла закона, возможно лишь в публичной форме, направленной на неопределенный круг лиц либо на широко определенный круг лиц, такими способами, как публикация в средствах массовой информации, с помощью сети Интернет и т. д.

Среди научного сообщества также существует мнение, что законодатель под отрицанием фактов, установленных МВТ, понимает также отрицание законности, справедливости и обоснованности выводов и решений, к которым пришел МВТ, а в дальнейшем и суд. Однако более подробное изучение нормы позволяет сделать вывод о том, что данная позиция использует расширительное толкование нормы закона, что в данном случае недопустимо, и законодатель при реализации новеллы подразумевал ответственность только за отрицание изложенных в приговоре фактов либо одобрение военных преступлений, установленных приговором.

Подпадает ли под диспозицию ч. 1 ст. 354.1 Уголовного кодекса оспаривание какой-либо из частей приговора трибунала, связанное с появлением новой информации о фактах и событиях Второй мировой войны? Однозначно ответить на данный вопрос достаточно трудно. Отрицание — это радикальное несогласие с существованием каких-либо фактов. Такое явление редко встречается в отношении общественных и исторических наук. Подобные публичные суждения более свойственны политической пропаганде какого-либо движения, нежели научному сообществу и науке в целом. Учитывая это, стоит отметить, что публичное высказывание версий, которые ставят под сомнение факты, установленные МВТ, не подпадает под действие ст. 354.1 УК, так как не является истиной и не отрицает факты, а лишь ставит их под сомнение на основе новых данных.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, может быть выражена исключительно в форме прямого умысла. Лицо, совершившее преступное деяние, осознает публичный характер излагаемой им заведомо ложной информации и желает наступления последствий. Мотив и цель, исходя из буквального толкования нормы, не влияют на квалификацию.

Таким образом, можно сделать вывод, что ч. 1 ст. 354.1 УК РФ предусматривает ответственность непосредственно за пропаганду недостоверных сведений, касающихся приговора МВТ, не имеющих под собой достоверных научных исследований, т. е. публичное, ничем не подкрепленное, заведомо ложное и основанное на ненаучных источниках распространение информации.

Далее стоит отметить, что ч. 1 ст. 354.1 УК предусмотрена также такая разновидность объективной стороны, как одобрение военных преступлений, установленных приговором МВТ. Подобными действиями, в отличие от отрицания, признаются факты, установленные МВТ, но — всё также публично — оцениваются с положительной точки зрения. Данный состав преступления тонко граничит с преступлением, предусмотренным ст. 282 УК РФ, однако охватить деяния, предусмотренные частями 1 и 2 ст. 354.1 УК РФ, диспозиция ст. 282 не может по причине того, что состав преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, определяет цель в виде «возбуждения ненависти либо вражды, унижения достоинства человека либо группы лиц по определенным признакам». Деяние, охватываемое частями 1 и 2 ст. 354.1 УК РФ, такую цель предусматривать не может.

Данное деяние с субъективной стороны также характеризуется прямым умыслом. Лицо осознанно придает положительную окраску фактам, названным МВТ военными преступлениями против человечества и мира, и делает это публично, в отношении неопределенного круга лиц. Мотив и цель в данном случае не влияют на квалификацию по ст. 354.1 УК РФ.

Следующий вид объективной стороны, предусмотренной ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, — это публичное распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны. Касаемо этого преступления можно встретить достаточно спорное высказывание о том, что данное преступление представляет собой особый вид клеветы [5]. Однако с этим утверждением сложно согласиться, поскольку, исходя из юридического толкования термина, клевета — это прежде всего преступление, в котором затрагиваются интересы отдельно взятой личности либо группы лиц, что противоречит сущности ст. 354.1 УК РФ и смыслу, который в нее вложил законодатель.

Исходя из толкования данной статьи, не подпадают под ее действия как литературные, художественные и иные произведения, где сведения, не совпадающие с действительностью, являются частью авторского замысла, так и личные оценочные суждения о деятельности СССР во время Второй мировой войны. Субъективная сторона данного вида реабилитации нацизма также выражена в виде прямого умысла, цели и мотивы на квалификацию не влияют.

В рамках рассмотрения ч. 2 ст. 354.1 Уголовного кодекса стоит заострить внимание на таком квалифицирующем признаке преступления, как совершение его с «искусственным созданием доказательств обвинения». Такое понятие, как доказательство, с точки зрения процессуального права имеет установленное законом определение. Согласно ч. 1 ст. 74 УПК РФ, «под доказательствами понимаются любые сведения, на основе которых определенные законом лица устанавливают наличие либо отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу». Таким образом, использование понятия «доказательство» возможно исключительно в рамках каких-либо процессуальных действий, совершаемых после возбуждения уголовного дела, и принятия его к производству следователем либо дознавателем. Исходя из того, что ст. 354.1 УК РФ не соотносит момент совершения преступного деяния, предусмотренного частями 1 и 2, с совершением каких-либо процессуальных действий, использование формулировки с термином «доказывание» является не совсем правильным и корректным.

Указанная в ч. 3 ст. 354.1 Уголовного кодекса не соответствует объекту преступлений против безопасности мира и человечества по родовому признаку, поскольку преступления, предусмотренные данной частью,

не посягают на безопасность мира и человечества, а исключительно на внутренние интересы Российской Федерации, касающиеся воинской славы и соответствующих символов.

Усомниться можно также и в непосредственной формулировке объективной стороны ч. 3 ст. 354.1 УК, которая указывает на публичные действия, такие как «распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России». Дни воинской славы и памятные даты России, связанные с защитой Отечества, устанавливаются Федеральным законом «О днях воинской славы и памятных датах России» от 13 марта 1995 года № 32-ФЗ, но положения о сведениях, выражающих явное неуважение к обществу, законодателем не конкретизируются и предстают в виде оценочной категории. Предмет преступления, объективная сторона которого обозначена как «публичное осквернение символов воинской славы России», законодателем также не определен, что вызывает трудности при разграничении преступлений, предусмотренных ст. 354.1, ст. 243 и ст. 214 УК РФ, однако по смыслу законодателя, исходя из санкций данных статей, ч. 3 ст. 354.1 УК является специальной по отношению к названным выше нормам.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что хотя ответственность, введенная законодателем за реабилитацию нацизма, направлена на пресечение преступного искажения исторических фактов Второй мировой войны и в целом справляется с поставленной ею задачей, однако она не лишена недостатков, среди которых можно выделить, прежде всего, размытые границы между реализацией конституционных прав и свобод граждан и совершением преступления, предусмотренного данной статьей. И в настоящее время ни законодатель, ни Верховный Суд Российской Федерации не дают официальных толкований понятий, используемых в данной норме, например таких, как «нацизм», «одобрение нацистских преступлений» и т. д. Также данная статья очень часто может быть подвергнута расширительному толкованию, исходя из ее формулировок, что в уголовном законе недопустимо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Додонов В. Н. Уголовно-правовая охрана исторической правды: зарубежный опыт и развитие российского законодательства / В.Н. Додонов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 3.
2. Капинус О. С. Ответственность за разжигание расовой, национальной и религиозной вражды, а также за другие «преступления ненависти» по уголовному праву зарубежных стран / О. С. Капинус, В. Н. Додонов // Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности: сборник статей. М.: Буквоед, 2008.
3. Осипов М. Ю. О некоторых проблемах использования уголовно-правовой техники на примере статьи 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» / М. Ю. Осипов // Юридическая наука. 2014. № 2.
4. Турышев А. А. Реабилитация нацизма в УК РФ / А. А. Турышев // Правовые технологии. 2014. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lawtech.ru/journal/articles/15692>.
5. Розенко С. В. Реабилитация нацизма: новые основания уголовной ответственности / С. В. Розенко // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3.
6. Иногамова-Хегай Л. В. Преступления против мира и безопасности человечества / Л. В. Иногамова-Хегай // Полный курс уголовного права: в 5 т. / Под ред. А. И. Коробеева. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. Т. 5.
7. Политическая психология: учеб. пособие для вузов / Под общ. ред. А. А. Деркача, В. И. Жукова, Л. Г. Лаптева. М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая кн., 2001.
8. Пермяков Ю. Когда история вне закона / Ю. Пермяков. Засекин.ги: экспертно о главном [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zasekin.ru/avtorskie-kolonki/yurij-permyakov/15969>.
9. Курилла И. История и память в 2004, 2008 и 2014 годах / И. Курилла // Отечественные записки. 2014. № 3.

10. Гоузинская Е. И., Пономарева М. Ю., Клишейко Д. И. Критический анализ криминообразующих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Реабилитация нацизма» // Актуальные проблемы науки и практики современного общества. 2017. № 2–6.

11. Каримов М. А. Объективные признаки состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 354.1 УК РФ // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сборник статей по материалам XXXVIII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 1 (37).

КРИПТОВАЛЮТА КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

**Ю. В. Бухвалова,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»,
julja-bukhvalova@mail.ru
Научный руководитель:
А. А. Чукреев,
доцент кафедры трудового права
и предпринимательства ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент,
a.a.chukreev@utmn.ru**

Для того чтобы государство успешно функционировало как в сфере внутренней политики, так и на международной арене, его законодательство должно обладать такими важными качествами, как гибкость, восприимчивость к разного рода нововведениям, возникающим в современном мире. Стремительное развитие общественных отношений предопределяет необходимость постоянного внесения изменений в действующее законодательство. Появление новых объектов экономических отношений, новых объектов прав, информатизация и цифровизация общественных отношений создают предпосылки для качественной переработки законодательства и необходимости пересмотра традиционных понятий и конструкций, существующих в праве.

Подобного рода изменения коснулись и Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2], в частности его ст. 128, закрепляющей перечень объектов гражданских прав. Речь идет о последних изменениях, внесенных в ГК РФ Федеральным законом от 18 марта 2019 года № 34-ФЗ, которые носят масштабный характер. Однако мы в своем исследовании затронем лишь одну из этих новелл – это цифровые права.

Итак, вступившие в силу с 1 октября 2019 года изменения ст. 128 ГК РФ ознаменовали появление нового объекта гражданских прав – «цифровые права». О целях введения данного понятия разъясняется в Пояснительной записке к проекту Федерального закона от 18 марта 2019 года № 34-ФЗ [10]. Так, исходя из анализа данного документа, включение цифровых прав в перечень объектов гражданских прав – это первый шаг законодателя к тому, чтобы взять под свой контроль регулирование новых общественных отношений, которые складываются вокруг появляющихся в современном мире объектов экономических отношений. В частности, такое правовое закрепление позволит наделить данные объекты оборотоспособностью либо, напротив, ограничить их в обороте, обеспечить защиту прав на данные объекты и установить ответственность за посягательства на эти права, обеспечить экономическую безопасность и стабильность и т. д.

Так что же такое цифровые права? Говоря о понятии «цифровых прав», следует отметить, что в науке сложилась дискуссия относительно определения данного понятия, вследствие того что в настоящий момент оно не имеет достаточно полного, универсального и конкретного закрепления в законе. Статья 141.1 ГК РФ определяет цифровые права как «названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам» [2]. Определение таких прав, закрепленное с 1 октября 2019 года в ст. 141.1 ГК РФ, не раскрывает всю сущность цифровых прав. Поэтому следует обратиться к тексту законопроекта, которым изначально предполагалось внести анализируемые изменения и дополнения. Под цифровыми правами в указанном документе понималась «совокупность электронных данных (цифровой код или обозначение), существующая в информационной системе, отвечающей установленным законом признакам